

**ПАРОДИЙНОЕ НАЧАЛО В ПОВЕСТИ
В. АСТАФЬЕВА «ПЕРЕВАЛ»**

Котенева А.С. ¹,
студентка 3 курса, группа СОБ 34 РЛ,
Гончаров П.А., профессор, доктор филологических наук
ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»,
г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В статье характеризуется пародия в качестве доминирующего стиливого приема в повести «Перевал».

Ключевые слова: Астафьев, «Перевал», повесть, пародия.

¹ Котенева А.С., Гончаров П.А., kotenevaanna18@gmail.com

Пародия представляет собой комическое подражание художественному произведению или группе произведений. «Обычно пародия строится на нарочитом несоответствии стилистических и тематических планов художественной формы. Выделяют два классических типа пародии – бурлеск (низкий предмет, излагаемый высоким стилем) и травестия (высокий предмет, излагаемый низким стилем)» [4]. В «Перевале» В. Астафьев использует травестию.

Пристрастие к комическому, умение увидеть мир в неожиданном ракурсе принадлежит, вероятно, к изначальным, всеми замеченным, но еще не исследованным свойствам стиля В.Астафьева, свойствам, родившимся в особых обстоятельствах литературного развития.

Различные приемы пародирования будут развиты В.Астафьевым в прозе 60-80-х годов, а в 90-е эти сатирические приемы будут выполнять жанрообразующую функцию.

Повесть «Перевал» - одно из ранних произведений В. Астафьева - была опубликована в журнале «Урал» №5 в 1959 году. Писатель высоко ценил свое произведение и ни разу не прибегал к каким-либо его правкам.

В «Перевале» В. Астафьев обнаруживает свой особый автобиографизм, приверженность к Сибири, свою интонацию, свое слово. Произведение настолько «бесхитростное», как говорил сам писатель, что обязывает обратить внимание на свои особенности [3, с. 30].

Сюжет повести достаточно прост. Мальчик Илька Верстаков живет в неблагополучной семье. Отец пьет, с мачехой Илька не ладит. Одна из очередных ссор Ильки и мачехи заканчивается «смертоубийством».

Перевалом в судьбе мальчика стало его бегство из дома и вступление в рабочее братство. Сплавщики нашли Ильку на острове и решили помочь опасному «для опчества» добраться до бабушки. Ильку делают полноправным членом бригады, а для этого «оформляют» его на собрании.

С момента, когда Ильку «приучают к коллективу» и всплывает мягко-пародийный замысел писателя. Писатель пародирует едва ли не сакральный

«жанр» общественной жизни 1930 - 1950-х гг. – собрание рабочего коллектива. Самые различные формы таких собраний живописались в произведениях производственной прозы – в «Поднятой целине» М.Шолохова, в «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Г.Николаевой, в романе того же В. Астафьева «Тают снега». Собрание как идеологическое священнодействие и трагедизируется в этой астафьевской повести. На собрание приглашены все сплавщики и Илька тоже. У собрания есть свой «председательствующий», с трагедизирующей «священнодействие» фамилией Дерикруп. Дерикруп задает Ильке ритуальные вопросы, которые рожают род паники среди сплавщиков и комический эффект у читателей повести, ибо ни герои, ни место действия, ни их поведение, ни даже бумага, на которой ведется «протокол» не соответствуют изначально высокому предназначению этого «акта»:

«Дерикруп почистил заржавевшее перо где-то сзади о штаны, обмакнул ручку в пузырек и ошарашил Ильку первым вопросом:

– ФИО?

– Чего? – растерянно открыл рот Илька.

– Говори по-русски, – загудели сплавщики на Дерикрупа, но он строго глянул на них и тем же важным тоном, от которого у Ильки пошел холод по спине, пояснил:

– Фамилия, имя, отчество?

Прежде чем ответить, Илька поднялся с чурбака, одернул короткую рубаху и обвел глазами сплавщиков.

Какие уж тут шутки! Тут совершался акт огромного значения, можно сказать, происходило священнодействие. Его, Ильку, принимали в рабочие. И, набрав побольше воздуха, он выпалил:

– Верстаков Илья Павлович! – Мальчишка даже удивился: настолько получилось длинно.

Ни один мускул не дрогнул на лице Дерикрупа. Ох, не напрасно этот человек учился на артиста! Он размашисто написал это самое ФИО в графе наряда, где сверху значилось: “Колич. куб. др-ны” < ... >

Лица у сплавщиков вытянулись. Сковородник сконфуженно спрятался за спину братана Азария, который сидел с полуоткрытым ртом, громко сопел и не моргал даже живым глазом. Он помнил, как неотесанным деревенским парнем сам первый раз оформлялся на работу, и потому сочувствовал Ильке. А мальчишка совсем ошалел от серьезности минуты. Но следующий вопрос оказался легким насчет образования. Он коротко отчеканил:

– Одна группа! – и перевел дух, да преждевременно.

Дерикруп тут же вверх его в смятение мудренейшим словом:

– Соцпроисхождение?

– Как это? – жалко и растерянно улыбаясь, уставился на него Илька»

[1, т.1, с.158 - 159].

Пародийные элементы играют значительную роль в данной повести. Лишившийся матери мальчик Илька, терпящий притеснения мачехи, вместе с жалостью и состраданием вызывает улыбку своей решимостью «зашибить любого», жизнелюбием и умением выжить в невероятно тяжелых обстоятельствах, разрешающихся бегством из дома. И спасение он находит не благодаря «бегству в природу», а благодаря бригаде сплавщиков. Этот поворот сюжета сближает повесть с комплексом идей «производственной» литературы 30 - 50-х годов, среди которых наиважнейшая связана с представлением о силе коллектива. Отголосок ее звучит в повести в травестийно-сниженном виде: «Всем сесть и не ржать. Будем мальчонку приучать к коллективу». «Коллектив» рядом с «ржать» дополняет травестию оксюморонным звучанием.

Травестия присутствует и в характерах сплавщиков и сюжете повести. Казалось бы, взрослые люди, сложившиеся личности, а учатся у этого жизнелюбивого мальчика.

Астафьев пародирует не только «собрание коллектива». Он обращает внимание на популярный мотив того времени – перевоспитание мелкого собственника в социалистическом коллективе. Но так как Ильку и его родителей нельзя заподозрить в приверженности к собственности и отсутствию трудолюбия, Астафьев также мягко травестирует этот мотив.

«– Ну, кто родители твои: крестьяне или рабочие? – дал наводящий вопрос все тот же добрейший дядя Роман.

Илька быстро, с благодарностью взглянул на него и затряс головой: дескать, дошло, дошло.

– Отец – охотник, а мать утонула, – сказал мальчишка и с трудом сглотнул слюну – так пересохло у него в горле.

Вот тут и начался сыр-бор, чуть было не погубивший все дело. Одни доказывали, что рыбаки и охотники самые настоящие пролетарии, так как ведут странствующий образ жизни, следовательно, ни к рабочему, ни к крестьянскому сословию не относятся. Другие утверждали, что охотники самые настоящие крестьяне, потому как живут они в большинстве своем по деревням.

Исусик, перекусив нитку, вколол иголку в подклад фуражки и огорошил сплавщиков:

– Выходит, толстоляхие попы тоже крестьяне, раз они по деревням живут?

Все озадаченно притихли. Дерикруп, чтобы остаться на высоте положения и разрядить обстановку, несмело предложил:

– Может, так и напишем – про-ле-та-рий! – и, чтобы не дать никому опомниться, макнул ручку в пузырек» [1, т.1, с. 159].

Пародируя некоторые популярные идиологемы, «акты» и «священнодействия» эпохи, Астафьев остается верным другим идеям своего времени. Так, он остается верен идее «трудовой», «пролетарской» нравственности на протяжении всего его творчества [2, с. 17].

Пародийная основа повести реализуется и на уровне слова. Совершенно неуместными и чуждыми выглядят в среде сплавщиков актуальные для политической жизни 1930 - 1950-х годов понятия «соцпроисхождение», «национальность» и т.п. Это ощутимо и в стилизации речи ребенка («белеменна»), южнорусской речи Дерикупа и в бурлескных кличках людей и животных (Исусик, Красное Солнышко, Архимандрит).

Таким образом, пародия помогает Астафьеву связать повесть с предшествующей традицией русской литературы, одновременно указать на рождение нового феномена искусства – повести о деревенском детстве.

Помимо этого пародийность есть выражение светлого жизнерадостного отношения В. Астафьева к изображаемому миру собственного детства.

Список литературы

1. Астафьев В.П. Перевал // Астафьев В.П. Собр. соч. в 4-х т. Т.1. М.: Мол. гвардия, 1979. С. 111 – 218.
2. Гончаров П.А. Статья «Минуя «Перевал». Пародийность как форма отрицания соцреалистического канона в ранней прозе В. Астафьева // Вестник Оренбургского ГУ, 2003. С. 13 – 19.
3. Гончаров П.А. Творчество Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990 гг. Монография – М.: Высшая школа, 2003. 384 с.
4. Литературный словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litdic.ru/> (дата обращения: 10.03.2018)
5. Рогалев А.Ф. Мир художественных образов // А. Ф. Рогалев. На перевале жизни. Смысл повести В. П. Астафьева «Перевал» – Гомель: Гомельский государственный институт имени Франциска Скорины, 2012. С. 456–458.
6. Чалмаев В.А. Русская проза 1980-2000 годов на перекрестке мнений и споров. Статья вторая // Литература в школе, 2002. №5. С. 19-26.

THE PARODIAN START IN THE STORY "PASS" BY V. ASTAFIEV

Koteneva A.S.,
the student of 3 courses, group SOB 34 RL,
Goncharov P. A., Professor, doctor of Philology
FGBOU VO "Michurinsky State Agrarian University"
Michurinsk, Russia

Annotation. In the article parody is characterized as the dominant style reception in the story "Pass".

Keywords: Astafiev, "Pass", a story, a parody.